

Н.М. Солнцева

Борис Григорьев и Николай Клюев: творческий диалог

Творчество Бориса Григорьева и Николая Клюева представляет собой культурный диалог. Н. Клюев изображен на трех картинах Б. Григорьева. Григорьев — персонаж поэзии Клюева. Метафизическая трактовка революции Клюевым не оказала влияния на Григорьева — сторонника идеи конца цивилизаций, но Клюев на его полотнах — выразитель народного менталитета. В 1920–1930-е гг. их отношение к революционной действительности во многом совпадает. В работе уделено внимание поздней поэзии Клюева и поэме Григорьева «Расея». Эпизоды общения поэта и художника, специфика их взаимного интереса реконструированы по воспоминаниям и письмам Григорьева.

Ключевые слова: Вытегра, Григорьев, иконописные, Клюев, крестьянские, Расея, экспрессивный.

N. Klyuev is depicted in three paintings by B. Grigoriev. Grigoriev is the character in poetry by Klyuev. Their work is a cultural dialogue. Klyuev's metaphysical interpretation of the revolution had no impact on Grigoriev — a supporter of the idea of the end of civilizations, but Klyuev in his paintings — the expression of the national mentality. Their attitude to the revolutionary reality largely coincides in the 1920s and 1930s. In the article the attention is paid to late Klyuev's poetry and the Grigoriev's poem "Rasea". The relationship between the poet and the painter, the specifics of their mutual interest are reconstructed by memories and letters of Grigoriev.

Keywords: Vytegra, Grigoriev, icon, Klyuev, peasant, Rasea, expressive.

DOI 10.20339/PhS.2-19.069

Осенью 2011 г. в инженерном корпусе Третьяковской галереи проходила выставка работ Б.Д. Григорьева. Среди изображений интеллектуалов, парижских жиголо, циркачек, проституток особо прозвучала тема крестьян. Они не похожи на крестьян В. Максимова, В. Васнецова, Н. Ярошенко, Г. Мясоедова, К. и В. Маковских, тем более К. Петрова-Водкина, З. Серебряковой или К. Малевича. В них есть беспощадная сила, близкая персонажам таких художников крестьянского происхождения, как Ф. Малявин, А. Архипов.

Бабы и мужики Григорьева живут в чужой строителю социализма и эмигранту ойкумене; они недоверчивы и неумолимы; в них «скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь», как писал С. Есенин А. Кусикову 7 февраля 1923 г. [1. С. 153]. В воспоминаниях («О новом», 1920) Григорьев описал такую сцену в поезде: мужичок говорит о насилии, о реквизициях, ему возражает коммунист («фараон проклятый»), предупреждает, что донесет на него, и это «возбудило в народе зверя», «вызвало в народе зверя», его «едва не выбросили из окна» [2. С. 83]. Статичность григорьевских крестьян — это канун «ноября». Воспользуемся мнением Розанова, высказанным по поводу «крестьянского» полотна Малявина (««Бабы» Малявина», 1903, 1913): в них есть и факт, и идея, и фатум истории.

Современники Григорьева увидели в его персонажах зверя: «на границе зверя и человека» (П. Щеголев), «звериная, скифская и апокалиптическая «Расея»» (А. Шайкевич), «отвратная звериная обреченность» (А. Бенуа) [3. С. 599]. Но Григорьев, возможно угадывая зверя во взбунтовавшемся народе, в большей степени показал незнакомца — такого, о котором и Н. Клюев сказал в 1922 г.: «Кольцов — тот же Васнецов: пастушок играет на свирели, красна девка идет за водой, мужик весело ладит борону и соху; хотя от века для земледельца земля была страшным Дагоном: недаром в старину духу земли приносились человеческие жертвы. Кольцов поверил в крепостную культуру и закрепил в своих песнях не подлинно народное, а то, что подсказала ему усадьба добрых господ, для которых не было народа, а были поселяне и мужички» [4. С. 55]. Григорьев показал жертв Дагона — земли, Первой мировой войны, революций, Гражданской войны.

Известны три принадлежащих руке Григорьева изображения Клюева. Два — «Лики России» (1921), «Олонецкий крестьянин» (или «Портрет Клюева», 1920) — были представлены на выставке в 2011 г.¹ У Григорьева он пастырь. На одном полотне Клюев среди земляков — олонечских крестьян; цветовое и композиционное решение делает его семантическим центром картины. На другой картине он один и за ним (символически) овцы. Можно предположить аллюзию на стихотворение А.С. Пушкина «Свободы сеятель пустынный...» (1823) или скорее на известный религиозный образ («...возведи к пажити Твоей и сопричти мя овцам избранного Твоего стада...» [5. С. 78]).

Знакомство Григорьева с Клюевым произошло в Вытегре летом 1918 г. (июнь и до 5 августа). Он случайно встретился с ним «на дальнем севере — у пчельника да у чистых изб родимых мест его» [6. С. 108]. Григорьев мечтал о путешествии на русский Север — «в Петрозаводск по озерам и Свири» [Там же], о чем сообщал в письме к В.П. Полонскому в июне 1918 г. В ту пору был написан портрет Клюева, который мы знаем по иллюстрации (местонахождение оригинала неизвестно) на фронти-писе поэтической книги Клюева «Песнослов» (в кн., 1919).

В «Песнослов» было опубликовано теперь знаменитое стихотворение «Я потомок лапландского князя...» (1918); в строфе «Льдяный Врубель, горячий Григорьев / Разгадали сонник ягелей; / Их тоска — кашалоты в Поморье — / Стала грузом моих кораблей» [7. С. 368] звучит признание яркости Григорьева, «горючей» экспрессии его картин. Отметим, что Григорьев принял этот послыл: в его эмигрантской поэме «Расея» (1934) есть строки: «в аду горел же Врубель, / горел и я» [2. С. 128]. Знаем, что старовер Клюев даже подарил Григорьеву поморский складень, который заинтересовал Е. Замятина и особенно увлеченного поморским искусством Н. Гумилева. Этим складнем Григорьев перед своей эмиграцией одарил («благословил» [8. С. 103]) Замятина.

Участие Григорьева в судьбе Клюева проявилось в хлопотах о приюте для него в Петрограде. Он писал А.Ф. Пржецлавскому 5 августа 1918 г.:

Милый Адамчик, так случилось, что нашему замечательному поэту нужно уезжать отсюда. Он бежит в Питер. Если ты, друг мой, можешь дать ему возможность некоторое время у тебя приютиться, то очень меня обяжешь. В крайнем случае ему придется поселиться у нас в пустой и запертой квартире. Он тебе все расскажет, а я тоже, когда приеду.

Об этом же просит и супруга художника Е. Григорьева: «<...> Николай Алексеевич Клюев, до приискания своих родственников и друзей, не имеет где остановиться. Приюти его у себя на ночь» [6. С. 109]. Григорьев и в эмиграции не упускал Клюева из поля зрения. Приведем фразу из его письма от 12 апреля 1930 г. к Н. Евреину: «Клюев, говорят (да он и сам приносил мне 10 000 керенок за то, что я излечил от падучей), больше не страдает после моего портрета» [2. С. 136].

В воспоминаниях Григорьева («О новом») читаем: «Но много ли тех, о ком говорю. Быть может, трое. И все они поэты. Вот они: Василий Каменский, Владимир Маяковский, Николай Клюев. Новые талантливые поэты, победившие всю Россию от мужика до спекулянта. Каменский — нежный, Маяковский — грубый, Клюев — грустный, мечтатель, славельник. И все они светят» [2. С. 46].

Клюев той поры был именно таким: революцию принял и «по-скифски», и как красную Пасху, мечтал о преображении страны, о земном рае. В начале марта 1918 г. он признался В.С. Миролубову: «Я не большевик и не левый революционер, дорогой Виктор Сергеевич. Тоска моя об Опоньском царстве, что на Белых Водах, о древе, под которым ждет меня мой царь и брат» [4. С. 246]. Он выплавлял реальность в миф и остро чувствовал свои корни, писал в автобиографии: «Отцы мои за древнее православие в книге “Виноград Российский” навеки поминаются. Знаю Русь — от Карелы

¹ Как сообщал «Коммерсантъ» (16.09.2011), «самые дорогие — “Музыканты” и “Портрет Клюева”, они стоили более 3 млн долл., “Лики России” из коллекции Ростроповича–Вишневецкой были бы дороже, если бы их не приобрел “оптом” Алишер Усманов и не подарил Дворцу конгрессов (Константиновскому) в Петербурге» (URL: http://rupo.ru/m/3234/zhestokiy_hudozhnik_boris_grigoryew.html).

и Пинеги до сапфирных гор китайского Беловодья» [4. С. 47]. Распространенная среди старообрядцев-бегунов легенда о Беловодье, что то ли в Китае, то ли в Опоньском (Японском) царстве, то ли на Соловецких островах, где был впоследствии построен монастырь, в который на послушание был отдан юный Клюев, — камень в основании его утопии земного рая. Он был настолько воодушевлен собственным мифом о революции, что в конце апреля 1918 г. вступил в вытегорскую городскую организацию РКП(б) (впоследствии был исключен из ее рядов).

Григорьев, напротив, не был ни мифотворцем, ни утопистом. Однако Клюев (религиозный искатель, поэт, интеллектуал, читал немецких философов на языке оригинала) притягивал к себе творческую интеллигенцию, а если обратиться к отношениям Клюева и А. Блока, то и влиял на нее. Григорьева не мог не увлечь мыслитель, вышедший из особого крестьянского слоя («Я — мужик, но особой породы <...>»), поморский старообрядец, но прошедший послушание («в яслях и купелях скопческих в Константинополе и Смирне» [4. С. 29, 31], распространитель революционной литературы среди крестьян, тюремный сиделец. Клюев притягивал своей парадоксальностью и афористичностью вроде «Мужицкий лапоть свят, свят, свят!», «Мужицкий тельник: Змий, Огонь, / Крылатый Лев евангелиста, / Христа гвоздиная ладонь» («Мужицкий лапоть свят, свят, свят!..», 1914 [7. С. 226–227]).

Сведений о темах разговоров Клюева и Григорьева у нас нет. Знаем только, что Григорьеву запомнились «слова Клюева, поэта народного, прошедшего сквозь с т р о й советский: “Революция уму, а сердцу — Китеж”» [8. С. 103] (ср.: «Уму — республика, а сердцу — Китеж-град» [7. С. 355] из стихотворения «Уму республика, а сердцу — Матерь-Русь...», опубликованного в 1918 г.).

В начале октября 1918 г. вышла в свет книга Клюева «Медный кит», в которой прозвучало то, о чем, возможно, он говорил летом Григорьеву. В ней есть одическая поэзия во славу революции — «За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой» («Красная песня», <1917> [7. С. 352]). Клюев-«славельник» писал о Коммуне и ее «красном Государе»: «Боже, Коммуну храни — / Красного мира подругу!» («Коммуна», <1918> [Там же. С. 387]). Он воспевал трудового человека: «Батрак, погонщик, плотник и кузнец / Давно бессмертны и богам причастны» («Труд», <1918> [Там же. С. 386]). Он призывал мстить за кровь казенного матроса: «О, где же тот мститель суровый, / Который за кровь отомстит?!» («Матрос», <1918> [Там же. С. 389]). В его лирике того времени тема крови — жертвы во имя революции — звучала довольно громко и, скорее всего, была рецидивом идеологии голгофских христиан, среди которых он был ранее и которыми был представлен как пророк. Возможно, именно голгофские христиане укрепили в нем отношение к социальной борьбе как к Божьему делу. Революция должна была воплотить мечту Клюева о всемирном братстве: «Все племена в едином слиты» («Я — посвященный от народа...», <1918> [Там же. С. 391]). Братство как явление монастырское и как лозунг революции созвучны друг другу.

В стихах «Медного кита» (например, в «Революции» <1918>) Клюев-«мечтатель» описывал крестьянский мир, обращенный к Христу («Здесь все стоит за Царя / Из Давидова красного дома» [7. С. 389]) и лозунгам Февральской революции («В ручке грамота: Воля, Земля, / На груди образок рублевский» [Там же. С. 390]). Клюев писал о северном старообрядчестве. В «Меня Распутиным назвали...» (<1917>) он, прославляя «алконостную Россию», говорил о своей поэзии: «И ледовитый плеск Онеги / В самосожженческих стихах» [Там же. С. 354]. В революции он видел торжество старообрядческой духовной силы и создал красивый миф о Ленине. Например, в стихотворении «Есть в Ленине керженский дух...» (<1918>), включенном в книгу «Медный кит», есть такие строки: «Есть в Ленине керженский дух, / Игуменский окрик в декретах, / Как будто истоки разрух / Он ищет в “Поморских ответах”» [7. С. 377]. Там же он высказался против «казенной» церкви и радовался тому, что «мужицкая ныне земля».

Клюеву нужен был социализм с христианским наполнением. Этим объясняется его неприязнь к Н. Некрасову («И Некрасов, бумажный лгун, — / Бог не чуял мужицкого стога?» [Там же. С. 390]). Такое отношение к Некрасову сохранилось и в поздние годы. Например, в 1928 г., когда

отмечали пятьдесят лет со дня смерти Некрасова, он высказался так: «Его отвратительный дешевый социализм может пленить только товарищев из вика или просто невежд в искусстве <...>» [4. С. 76].

Апогей революционно-мистической утопии Клюева – «Песнь Солнценосца» (<1917>), ее провиденциализм – тема статьи А. Белого «Песнь Солнценосца» (второй сб. «Скифы», 1918, фактически 1917). Переводчик поэмы на немецкий язык В. Гартман, включивший текст Клюева в свою статью «Новейшая русская революционная поэзия»², также отметил этот мессианский смысл революции в интерпретации русского поэта.

Хотя и в 1919 г. он лелеял мечту о братстве Коммуны, он все же признал пропасть между реальностью и мечтой: «Где же Свобода в венке из барбариса / И Равенство — королевич прекрасный?» («Глухомань северного бревенчатого городишка...», <1919, 1921> [7. С. 421]). В Вытегре он живет, «как у собаки в пасти», его «рай осквернен», сам он «пропадет, как вошь под коростой, во славу Третьего Интернационала», так он писал в 1919 г. В.С. Миролюбову [4. С. 249]. Страшит и близость белых: они его не пощадят.

А что Григорьев? Для него революционная Россия «только лыковая, другую ее показали только художники, являя только положительные стороны, равняясь только на любовь и только на романтику» («Об искусстве и о его законных преступлениях», 1920 [2. С. 106]). Он назвал ее Расеей. Его цикл «крестьянских» работ «Расея» был представлен на выставках «Мира искусства» (1917–1918). Это слово постоянно сопутствовало теме пореволюционной родины: книга «Расея» (1918)³, альбом «Расея» (Германия, 1921, 1922), поэма «Расея» (Франция, 1933; изд. в Нью-Йорке, 1934).

В поэзии Клюева 1920–1930-х гг. слово «Расея» (с двумя с) означает не только простонародную Россию (например, в поэме 1934 г. «Кремль»: «Но самоварная Расея, / Потeya за фамильным чаем, / Обозвала меня бугаем, / Николушкой и простецом» [9. С. 221]; в «Есть две страны: одна — Больница...» 1937 г.: «Была: “Люблю тебя, Расея, / Страна грачиных озимей!”» [7. С. 632]), но и кровавую, податливую новой власти (например, в поэме 1926 г. «Деревня»: «Ты, Расея, Расея-матка, / Чаровая, заклятая кадка! / Что там, кровь или жемчуга, / Иль лысого черта рога?», «Ты, Расея, Расея-матка, / На мирской смилосердись гам: / С жемчугами иль с кровью кадка, / Окаянным поведай нам!», «Ты, Расея, Расея-теща, / Насолила ты лихо во щи, / Намаслила кровушкой кашу — / Насытить утробу нашу!», «Ты, Расея, — лихая теща!..» [Там же. С. 664–665, 667]; или в «Кремле»: «Лишь я, как буйвол, запряжен / В арбу с обломками Расеи» [9. С. 211]).

Простонародная Россия революционной поры Григорьева ужаснула. В 1934 г., когда появилась поэма Григорьева, Клюев, уже утративший революционные иллюзии и враждебный к власти, был арестован, отправлен в сибирскую ссылку (там в 1937 г. его расстреляли). Эпизоды человеческого одичания, обращения культуры в «Расее» коррелируют с мотивами поздних, не предназначенных к публикации поэм Клюева.

Поэма «Расея» говорит об оппозиции Григорьева по отношению к «отчизне-стерве» [2. С. 122]. Люблю и ненавижу — частый мотив его писем: «Люблю я только Россию — ее же и ненавижу за людей, за климат, за звериное начало. Но запах ее люблю, но искусство ее, музыку и слово. <...> И больше всего ненавижу самого себя!» (баронессе М.Д. Врангель [10]); «Кланяюсь Родине моей в самые ноги и люблю ее и ненавижу, за это и кланяюсь» (В. Каменскому [11. С. 181]); «У меня одно желание обнять русскую женщину, припасть с мольбертом около русской деревни, искупаться в Черном море», «<...> когда подумалось о России — стало на душе совсем гадко. Не тянет больше туда, совсем не хочется» (Е. Замятину [12. С. 170]).

² Hartmann W. Die jüngste russische Revolutionsdichtung / Der neue Merkur. München, 1920. Jahrg. 4. Hf. II/III. Mai-Juni. S. 110–119. См.: Субботин С.И. «Песнь Солнценосца» Николая Клюева в переводах на немецкий язык (1920-е годы) // Есенинский вестник. Константиново. 2013. № 3 (8). С. 152–162.

Subbotin S.I. “Pesn’ Solntsenostsa” Nikolaia Kljuueva v perevodakh na nemetskii iazyk (1920-e gody) // Eseninskii vestnik. Konstantinovo. 2013. No. 3 (8). S. 152–162.

³ В ее составе репродукции картин, тексты Григорьева, П. Щеголева, Н. Радлова.

Эмиграция, скорее всего, спасла Григорьева от трагической участи Клюева. В начале апреля 1931 г. он и его супруга Е.Г. Григорьева обратились к М. Горькому с просьбой спасти ее арестованную сестру М.Г. Суханову. Экономист Н.Н. Суханов был арестован в 1930 г. вместе с Н.Д. Кондратьевым, А.В. Чайновым, Н.К. Рамзиным, В.А. Базаровым и др. Горький писал Г.Г. Ягоде 2 ноября 1930 г.: «Не удивлен тем, что Суханов, мальчишка с болезненным самолюбием и психикой авантюриста, оказался на скамье уголовных преступников <...>» [13. С. 48]. В 1935 г. Суханов был амнистирован, но в 1937-м вновь арестован, 29 июня 1940 г. расстрелян. По ходатайству Е.П. Пешковой М.Г. Суханову освободили, но в 1941 г. вновь арестовали, она умерла в лагере в 1942 г.

В «Расее», по сути, зарифмовано реальное вытегорское существование Григорьева. Сюжет поэмы разворачивается в 1919 г. Ср. со строками из поэмы Клюева «Погорельщина»: «Год девятнадцатый, недавний, / Но горше каторжных вериг!» [7. С. 688]. Одна сюжетная линия — арест пишущего вытегорский пейзаж и потому заподозренного в шпионаже Григорьева, она целиком совпадает с событиями из его воспоминаний; другая — бегство в эмиграцию, тональность ее созвучна рассказанному им в интервью чилийской прессе. В октябре 1919 г. он с супругой и маленьким сыном тайно отплыл к берегу Финляндии на лодке рыбака, с которым его познакомил Горький: «В семь часов утра парус нашей лодки продырявили пули. Мы могли умереть, но судьбе было угодно доставить нас до Финляндии, откуда я перебрался во Францию» [7. С. 42]. Лыковая Вытегра наполнена красноармейцами — «скоморохами советского рая» [2. С. 117]. Скоморошество (ряжение в революционную форму?) усилено чрезвычайным косноязычием арестовавшего его парня. Григорьев саркастичен в изображении того, что ему «опостылело», как он писал в 1918 г. Полонскому [6. С. 109]. Судя по его статьям, он пытался в революционное время «разглядеть целый народ» [2. С. 106], но увидел, что в народе остались только «рыла», «обла и озорна» [Там же. С. 124], что, конечно, отличает «Расею», например, от клюевской «Погорельщины» (1928) или «Песни о великой матери» (между 1929 и 1934 гг.).

Лыковая Россия, по Григорьеву, это цивилизационная угроза. Отметим, что Клюев продолжал верить в плодоносящую народную культуру. В поэме Григорьев развернул картину гибели планеты — и «видно, как топорчатся уж скифы, тюги да пики...» [2. С. 124]. Григорьев, в отличие от Клюева-скифа, опасался, как видно, стихийных взрывов, для него скиф не созидатель, а разрушитель⁴. Но будем иметь в виду, что ко времени написания Григорьевым «Расеи» скифство в сознании Клюева обрело новую коннотацию: «Но дивный Спас! Змею копытя, / За нас, пред ханом павших ниц, / Егорий вздыбит на граните / Наследье скифских кобылиц!» («Песнь о великой матери» [7. С. 779]).

В «Расее» говорится об отлучении от новой России гениев культуры. Об этом же Григорьев писал в эссе «Об искусстве и о его законных преступлениях»: «Земля Христа и Толстого потому и гениальна, что она носила Христа и Толстого, Мусоргского и Врубеля, Пушкина и Александра Иванова, Петра Великого и Достоевского и еще многих, очень многих; потому она и оказалась лыковой землей, когда выронила своих гениев и показала вдруг такое, чем была всегда и чем бы оставалась без них навеки» [2. С. 106].

Безусловно, сближают «Расею» и «Песнь о великой матери» темы безбожия и преодоления бесовства, описание родных пространств (Волги у одного, Поморья у другого). Особо прозвучала в обеих поэмах тема матери: сугубо интимно у Григорьева, эпически у Клюева. У последнего она тоже пастырь своего стада, сзывает на собор «Отцов, собратьев и сестер, / Христовых трудников, невест» [7. С. 758], что отразило специфику назначения женщины в старообрядчестве (Смирнов П.С. Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола // Христианское чтение. 1902. № 3).

⁴ Казус в том, что Григорьев в 1931 г. получил приглашение «стать во главе “скифского” дела» (из письма к Горькому от 16 декабря 1931 г.). По-видимому, имелось в виду русское, противоположное западному искусство (см.: М. Горький и Б.Д. Григорьев. Переписка [3. С. 584]).

Отметим в внимание обоих к иконе. В поэме Григорьева говорится о Москве Дионисия и Рублева, оба иконописца — в поэзии Клюева. В поздних поэмах Клюева икона получила религиозно-онтологический символ, в «Расее» она эмблема эстетической концепции. В живописи Григорьев изображал своих крестьян по-иконописному фронтально, крупным планом, внимание фокусировал на верхней части лица, использовал конкретный цвет, обратную перспективу. В поэме он называет себя иноком и прямо говорит о заимствовании иконописной специфики: «иконописи близок — становлюсь все ближе, / не сумею я в Париже, / как все, лаковый носить ботинок» [2. С. 130]. Ср. со строками Клюева из «Четвертого Рима» (1921): «Не хочу быть знаменитым поэтом / В цилиндре и в лаковых башмаках» [7. С. 635].

В целом поэзия Клюева и Григорьева сочетает архаическую эстетику и новый язык. Язык Григорьева-поэта целенаправленно примитивен (язык своей живописи он называл неопримитивизмом) и жёсток. Его поэма — пример типичного авангарда. Напротив, согласно точке зрения Э. Райса, модернистская поэтика Клюева проявилась в виртуозности и изощренности образа, тропической густоте, изобразительной близости стилю Босха, но в этот язык оформлены четкие мысли старообрядческих «Поморских ответов», он синтезирован с прозрачностью цветописи, музыкальностью линий дионисиевой школы («Николай Клюев», 1964).

Начатое в 1918 г. общение Григорьева и Клюева продолжилось в виртуальном диалоге. Нет оснований говорить об их мировоззренческом и художественном влиянии друг на друга, но очевидны как точки пересечения, так и поляризация в судьбах, в отношении к реальности, в поэтике.

Литература

1. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев; сост. и общ. ред. тома С.И. Субботина. М.: Наука: Голос, 1995–2002. Т. 6. 816 с.
2. Григорьев Б. Линия: Литературное и художественное наследие / Вступ. ст., сост., коммент. В.Н. Терехиной. М.: Фортуна ЭЛ, 2006. 320 с.
3. М. Горький и Б.Д. Григорьев. Переписка / Вступ. ст., публ., примеч. И.А. Зайцевой // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 540–616.
4. Клюев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
5. Полный православный молитвослов для мирян. М.: Сретенский монастырь: Новая книга: Ковчег, 2000. 800 с.
6. Из писем Бориса и Елизаветы Григорьевых / Публ., подгот. текстов, коммент. С.И. Субботина // Наше наследие. 2008. № 87. С. 107–109.
7. Клюев Н. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н. Скатова, вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста, примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
8. Из воспоминаний Бориса Григорьева / Публ., подгот. текстов, коммент. С.И. Субботина // Наше наследие. 2008. № 87. С. 103–106.
9. Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре / Сост., подгот. текста, примеч. Т.А. Кравченко, А.И. Михайлова; послесл. В.А. Доманского, Г.Е. Дунаевского. М.: Территория, 2006. 304 с.

References

1. Esenin S.A. Poln. sobr. soch.: v 7 t. (9 kn.) / Gl. red. Ju.L. Prokushev; sost. i obshch. red. toma S.I. Subbotina. Moscow: Nauka: Golos, 1995–2002. T. 6. 816 s.
2. Grigor'ev B. Linia: Literaturnoe i khudozhestvennoe nasledie / Vstup. st., sost., komment. V.N. Terekhinoi. Moscow: Fortuna EL, 2006. 320 s.
3. M. Gor'kii i B.D. Grigor'ev. Perepiska / Vstup. st., publ., primech. I.A. Zaitsevoi // S dvukh beregov. Russkaia literatura XX veka v Rossii i za rubezhom. Moscow: IMLI RAN, 2002. S. 540–616.
4. Kliuev N. Slovesnoe drevo. Proza / Vstup. st. A.I. Mikhailova; sost., primech. V.P. Garnina. St. Petersburg: Rostok, 2003. 688 s.
5. Polnyi pravoslavnyi molitvoslov dlia mirian. Moscow: Sretenskii monastyr': Novaia kniga: Kovcheg, 2000. 800 s.
6. Iz pisem Borisa i Elizavety Grigor'evykh / Publ., podgot. tekstov, komment. S.I. Subbotina // Nashe nasledie. 2008. No. 87. S. 107–109.
7. Kliuev N. Serdtse Edivoroga: Stikhotvoreniia i poemy / Predisl. N.N. Skatova, vstup. st. A.I. Mikhailova; sost., podgot. teksta, primech. V.P. Garnina. St. Petersburg: RKhGI, 1999. 1072 s.
8. Iz vospominanii Borisa Grigor'eva / Publ., podgot. tekstov, komment. S.I. Subbotina // Nashe nasledie. 2008. No. 87. S. 103–106.
9. Nasledie komet. Neizvestnoe o Nikolae Klueve i Anatolii Iare / Sost., podgot. teksta, primech. T.A. Kravchenko, A.I. Mikhailova; poslesl. V.A. Domanskogo, G.E. Dunaevskogo. Moscow: Territoria, 2006. 304 s.

10. Антипова Р.Н. Материалы к биографии Бориса Дмитриевича Григорьева (Письма Бориса Григорьева к баронессе Марии Дмитриевне Врангель). URL: <https://psibook.com/literatura/materialy-k-biografii-borisa-dmitrievicha-grigorieva-pisma-borisa-grigorieva-k-baronesse-marii-dmitrievne-vrangel.html>

11. Антипова Р.Н. Псковская выставка Бориса Григорьева 1989. М.: Астрея-центр, 2015. 216 с.

12. «Все тот же, русский и ничей...». Письма Бориса Григорьева к Евгению Замятину / Вступ. ст., публ., коммент. В.Н. Терёхиной // Знамя. 1998. № 8. С. 163–176.

13. Сарнов Б. Сталин и писатели. Кн. 1. М.: Эксмо, 2008. 832 с.

10. Antipova R.N. Materialy k biografii Borisa Dmitrievicha Grigor'eva (Pis'ma Borisa Grigor'eva k baronesse Marii Dmitrievne Vrangel'). URL: <https://psibook.com/literatura/materialy-k-biografii-borisa-dmitrievicha-grigorieva-pisma-borisa-grigorieva-k-baronesse-marii-dmitrievne-vrangel.html>

11. Antipova R.N. Pskovskaia vystavka Borisa Grigor'eva 1989. Moscow: Astreia-tsentr, 2015. 216 s.

12. "Vse tot zhe, russkii i nichei...". Pis'ma Borisa Grigor'eva k Evgeniiu Zamiatinu / Vstup. st., publ., komment. V.N. Terekhinnoi // Znamia. 1998. No. 8. S. 163–176.

13. Sarnov B. Stalin i pisateli. Kn. 1. Moscow: Eksmo, 2008. 832 s.

Солнцева Наталья Михайловна,

доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Solntseva Natalia M.,

Doctor of Philology, Professor of the Newest History of Russian Literature and Modern Literary Process Department Lomonosov Moscow State University

e-mail: natashasolnceva@yandex.ru

